

**ЛЕТОПИСНАЯ
ХРОНОЛОГИЯ И
ГЕНЕАЛОГИЯ
ДРЕВНЕРУССКИХ
КНЯЗЕЙ**

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

ЛЕТОПИСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

Материалы к лекции по отечественной истории и
истории отечественного государства и права
для студентов всех специальностей и форм обучения

Тамбов
Издательство ТГТУ
2008

УДК 94(47)
ББК Тя73-5
Л524

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор
Ю.А. Мизис

Составитель

С.А. Есиков

Л524   Летописная хронология и генеалогия древнерусских князей :
материалы к лекции / сост. С.А. Есиков. – Тамбов : Изд-во Тамб.
гос. техн. ун-та, 2008. – 24 с. – 300 экз.

Даны материалы к лекции по отечественной истории и истории отечественного государства и права.

Предназначены для студентов всех специальностей и форм обучения.

УДК 94(47)
ББК Тя73-5

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2008

ное издание

ЛЕТОПИСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ГЕНЕАЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

Материалы к лекции

Составитель
ЕСИКОВ Сергей Альбертович

Редактор О.М. Ярцева
Инженер по компьютерному макетированию Т.А. Сынкoвa

Подписано в печать 4.02.2008.
Формат 60×84/16. 1,4 усл. печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 55

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

Интерес к тому, кто первым начал в Киеве княжить, постоянный. Вот уже на протяжении почти трех веков об этом ведутся споры, то затухая, то разгораясь с новой силой. Не претендуя на полный ответ, мы познакомим читателя с основными версиями, которые существуют сегодня в исторической науке. При этом надо учитывать, что в летописях, как правило, использовался «включающий» счет, то есть включалось в общее число лет каждого правления и год начала правления, и год его окончания. При сопоставлении разных летоисчислений могло происходить смещение лет, в некоторых случаях это смещение достигало шести лет. С 990-х годов и по крайней мере до середины XI века в Древней Руси употреблялся преимущественно сентябрьский календарный стиль.

Генеалогический материал, как правило, излагался в работах по истории Древней Руси лишь по ходу и носил чисто вспомогательный характер. Работ же, специально касающихся генеалогии древнерусских князей, сравнительно мало. В отечественной историографии в начале XX века этой проблемой плодотворно занимался историк-любитель Н.А. Баумgarten. Его справочник был первым научным обобщающим трудом по генеалогии Рюриковичей. Вторым обобщением стала работа О.М. Рапова о княжеских владениях на Руси в домонгольский период. В начале 1990-х годов в Киеве был двумя изданиями опубликован справочник по генеалогии Рюриковичей, составленный Л.В. Войтовичем. Справочник краткий, правда, в ряде случаев автор давал некоторые историографические гипотезы. Наконец, есть справочник по генеалогии домонгольских Рюриковичей Д.В. Донского.

Надо признать, что подчинение славянских племен Киеву происходило не в интересах какого-то одного князя, а в интересах всей «Русской земли» (земли полян – руси), представляя собой весьма длительный процесс, который к 40-м годам X века был еще далек от завершения. Поэтому в середине X века в Русской (Киевской) земле правили князья, принадлежавшие к разным династиям.

В XI веке князья «Рюриковичи» не считались на Руси потомками Рюрика. О нем просто ничего не знали или не придавали значения этому эпизоду из истории Ладоги. Показательно также стремление летописца привязать Игоря к Рюрику при помощи натяжек в возрасте. Очевидно желание летописца «растянуть» на десятилетия рассказ об Игоре, который вполне можно уместить в несколько лет. Некоторые историки, проанализировав историю княжения Игоря, считают возможным ограничить период его правления в Киеве несколькими годами.

Многие противоречия можно разрешить, если признать, что и Игорь, и Ольга к 40-м годам X века были людьми не старыми. Но признать это летописцы не могли, так как тогда была бы разрушена связь Игоря с Рюриком, связь, которой не было на самом деле.

Олег в исторической реальности, по мнению А.Л. Никитина, скорее всего не имел никакого отношения ни к Рюрику, ни к Игорю. Это лицо постороннее для собственно русской истории. Эта чужеродность проявляется в неустойчивости его социального статуса (князь, воевода) и родственных отношениях с Рюриком и Игорем (родственник, племянник, чужой человек) [10, с. 192].

Весь красочный рассказ летописи о походе Олега на Царьград в 907 году оказывается составленным из устных преданий. Ситуация усугубляется еще и тем, что византийские источники ничего не знают о походе Олега на Царьград. Не могли же греки не заметить осады своей столицы русами? Более ранний поход руссов 860 года зафиксирован ими четко. Уж не является ли история похода Олега на Царьград фантазией, составленной из различных преданий и деталей более раннего похода 860 года и более позднего 941 года?

Легендарна и история самих переговоров Олега с греками. Одна лишь контрибуция в 1 209 600 золотых солидов – миф. Такой суммы Византия никогда никому не выплачивала.

Договор 907 года вызывает настороженность у специалистов (в отличие от договора 911 года). Некоторые историки вообще сомневаются в его существовании, считая его текст изобретением летописца.

Об Олеге можно сказать, что это лицо, безусловно, историческое, его летописная биография сомнительна, а других фактов о нем у нас нет. В целом Олег оказывается малоизвестным персонажем нашей истории. Наличие же множества могил Олега вполне допустимо – по всей видимости, это захоронения не одного, а нескольких человек, носивших это имя (эту мысль высказывали М.С. Грушевский, А.Г. Кузьмин и др.).

В договорах Олега (911 год) и Игоря (944 год) с Византией, как считает С.Э. Цветков, прослеживается различие между Олегом и Игорем по самым существенным и важным признакам: титулатуре, вассальной иерархии, этническому составу дружин, направленности политических интересов. Олег – «наша светлость», «великий и светлый князь русский» и «светлые бояре». Игорь не имеет в подчинении не только «светлых», но и вообще никаких князей, а властвует над «боярами» и «людьми Русской земли». Олег заключает договор в пользу «светлых князей» и торговой руси – послов и «гостей» из «русских городов». Игорь отстаивает преимущественно торговые интересы своей семьи и своих родственников («бояр»).

В то время как Олег хлопочет за Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Любеч и другие, Игорь покровительствует трем городам Среднего Поднепровья: Киеву, Чернигову, Переяславлю – и все. При этом города, входившие в состав Олеговой державы, в большинстве своем находились не в Русской земле князя Игоря, а в западнославянских землях.

Разнятся не только «русские грады» обеих держав, но и названия самих государств Олега и Игоря. Судя по договорам, Олег владел Русью, Игорь – Русской землей. Олегова Русь была более широким и рыхлым территориальным образованием, нежели Русская земля князя Игоря. Олег заключал договор как предводитель обширной «русской» федерации или политической ассоциации, простиравшейся от Карпат до Черного моря, Игорь – глава семейного клана, державшего «княжение» в Русской земле, ограниченной Средним Поднепровьем. Из договора 944 года также следует, что князь Игорь не монарх в полном смысле того слова, а остальные князья не его подданные.

Из всего этого делается вывод, что Игорь не был и не мог быть наследником Олега, поскольку оба они принадлежали к разным «русским» родам, соперничавшим друг с другом этническим группировкам русов, а смерть одного и рождение другого были разделены по крайней мере семилетним промежутком. Дело в том, что Олег умер около 915 года (или в 912 году),

а рождение Игоря состоялось несколько позднее 920 года (по мнению А.Л. Никитина, он родился в 923 – 925 годах), умер же он между 951 и 955 годами. В договоре 944 года Игорь уже выступает в качестве единственного правителя Русской земли. Очевидно, что между Олегом и Игорем был еще кто-то, ибо княжеский род Олега не остался без наследника.

Из именного перечня русов в договоре 944 года видно, что именование по отчеству еще не вошло в обычай. Поэтому имя настоящего отца Игоря для нас, по всей вероятности, навсегда останется неизвестным. А сама эта неизвестность говорит о том, что он вряд ли обладал какими-либо выдающимися достоинствами. В то же время Игорь не был единственным мужчиной в правящей династии: в договоре с греками 944 года упоминаются племянники Игоря – Игорь и Акун (Якун). Однако их реальное присутствие в русской истории никак не обозначено.

Используя сведения моравской летописной традиции, арабские источники, так называемый Кембриджский документ, исследователи

(С.Э. Цветков, А.С. Королев и др.) выстраивают такую схему. Поскольку Рорик/Рюрик Ютландский никогда не переступал на востоке границы Вислы, а возможно, даже Одера, и не оставил потомства, то Игорь не мог приходиться сыном, равно как и племянником вещему Олегу.

Вещему Олегу наследовал его сын, носивший то же имя Олег (впоследствии он принял христианство и был назван Александром). Олег II княжил в Русской земле приблизительно в 913 – 939 годах. В 936 или, скорее всего, в 939 году он был изгнан из Киева Игорем и бежал в Моравию.

Дело в том, что в 939 году Русская земля оказалась вовлеченной в хазаро-византийский конфликт в Северном Причерноморье. Император Роман I обратился к Олегу II с просьбой об участии в борьбе против хазар. Это обращение говорит о том, что именно Олега Византия рассматривала как легитимного правителя Руси и наследника вещего Олега, с которым империя заключала договор 911 года. Начавшись удачно в Крыму, война закончилась поражением руссов. Неудача в Крыму имела следствием поражение Олега в Русской земле от Игоря. Открытого столкновения не было. Собрав все свои сокровища, Олег бежал с ними в Моравию. При поддержке Оттона I он получил моравскую корону и стал великим князем [16, с. 102–103].

Первое, что бросается в глаза и вызывает удивление в рассказе об Олеге Моравском, – это описание и время гибели Моравии. По распространенной и до недавнего времени официально принятой в исторической науке версии, Моравия была разгромлена и завоевана венграми в 905– 906 годах. Ныне можно с уверенностью говорить о том, что до конца 920-х годов Моравия не была разгромлена. А в 940-х годах Олег вел упорную, но безуспешную борьбу с венграми, вторгшимися в это время в Моравию. В этой борьбе Олег пользовался помощью и поляков, и родственников на Руси, с которыми он примирился. Борьба завершилась полным разгромом сил Олега и захватом венграми всей Моравии. Олег перебрался в Польшу, затем переехал на Русь, где был с почетом принят Ольгой, которая правила в Киеве. Вместе с Олегом в Польшу и на Русь бежало множество христиан из Моравии, которые и способствовали распространению христианства в этих странах. Именно моравяне основали на Руси христианскую общину, а Олег убедил Ольгу креститься. Умер князь на Руси в 967 году.

Перейдем к Игорю и Ольге. К очевидному вымыслу относится не столько завидное долголетие обоих супругов (Игоря и Ольги), сколько датировка важнейших вех их совместной жизни: женитьбы Игоря на Ольге и рождение Святослава.

Согласимся, что традиционная дата женитьбы Игоря и Ольги – 903 год – вымысел. Многие исследователи относят рождение Ольги к 926 – 928 годам; в 940 году она вышла замуж; ездила в Константинополь в 957 году и умерла 11 июля 969 года в возрасте 41 – 43 лет.

По мнению А.С. Королева, Ольга принадлежала к знатному кривичскому (Псков и Изборск – центры кривичей), словенскому, варяжскому или даже финно-угорскому роду, влияние которого распространялось на Новгород и Псков, то есть вообще на русский Северо-Запад. Вероятно, связи со знатью Севера обеспечивали ей авторитет среди русских князей и выделяли ее среди других жен Игоря, которые, конечно же, у него были.

Ольга была не просто женой Игоря, но и самостоятельной правительницей Вышгорода, который в X веке мало в чем уступал Киеву. Факт получения Ольгой в управление Вышгорода произошел, вероятно, с согласия княжеского съезда, не желавшего ссориться с племенами Северо-Запада, в то же время он свидетельствовал о разводе Игоря и Ольги. Выходит, что у Ольги было достаточно причин, чтобы встать на сторону противников Игоря.

Однако, в Киевской Руси существовала иная, «допсковская» версия происхождения Ольги. Так, Краткий Владимирский летописец (конец XV века) гласил: «Игоря же Олег жени в Болгарех, поят за него княжну именем Олгу, и бе мудра вельми». Единственным крупным ученым, поддержавшим в конце XIX века болгарскую версию происхождения Ольги, был Д.И. Иловайский, утверждавший, что родиной киевской княгини была дунайская Болгария. В настоящее время, по утверждению Цветкова, «болгарская» версия происхождения Ольги, по совокупности накопленных аргументов, берет верх над «псковской легендой».

В первой половине X века существовал единственный город, название которого могло дать русифицированную форму «Плесков» – болгарская Плиска или Плискова (в районе современного Шумена).

Но как быть с известием, что Ольга была «дщерью Тмутаркана, князя половецкого»? Дело в том, что у древнерусской таманской Тмутарокани имеется дунайский двойник – город Тутракан, существующий и поныне. На Таманском полуострове города с названием «Плесков» мы не найдем, а в дунайской Болгарии Тутракан и Плиска – соседи. Некоторые исследователи говорят и о родстве Ольги с царствовавшим тогда царем Первого Болгарского царства Петром Симеоновичем, сыном и наследником царя Симеона.

Далее события середины 940-х годов можно изобразить следующим образом. В 941 году русы под руководством Игоря совершили поход на Константинополь, но были наголову разбиты. Победенное войско зазимовало в городах и селениях Черноморско-Азовской Руси. По всей видимости, там же оно оставалось и два последующих года, готовясь к новому походу. Кроме того, Игорю необходимо было восстановить свою репутацию удачливого предводителя, которая установилась за ним после покорения уличей и изгнания Олега II.

Черноморские русы на этот раз не оказали поддержки князю, но последнему удалось убедить печенегов принять участие в походе.

В 943 году был совершен поход русов на Каспий, во время которого был взят Бердаа – столица Кавказской Албании. Город был разграблен, русы хозяйничали там до лета следующего 944 года. Но затем из-за начавшихся болезней и действий прибывшего наместника были вынуждены оставить город, забрав с собой все награбленное.

Поход на Константинополь 944 года до военных действий не дошел; был заключен договор. Оценивают его по-разному: Игорь добился от Византии всего, чего он желал (С.Э. Цветков); по мнению же А.С. Королева, договор составлен не в пользу Руси, в сравнении с договором 911 года права греков были уравнены с правами руссов. Есть и такие, кто считает, что поход Игоря 944 года – выдумка летописца.

Неудачный поход на греков подорвал авторитет Игоря в глазах русских князей. Однако Игорь мог еще оправдаться тем, что все, кто не вернулись с ним на Русь после неудачного сражения у Иерона, погибли там или в последующих боях с греками. Брошенное им войско продолжило борьбу, и в 945–946 годах остатки его с богатой добычей, захваченной в результате разорения Малой Азии и Бердаа, вернулись на Русь. Вполне возможно, что во главе этого войска стоял Свенельд. На Руси появилась серьезная вооруженная сила, еще более усилившая оппозицию Игорю среди князей. Теперь Игорь полностью себя скомпрометировал. К оппозиции присоединилась и Ольга – одна из жен Игоря, точнее, бывшая жена. Не исключено, что она, при поддержке Свенельда, позднее ставшего ее помощником, и русских князей, совершила переворот в Киеве. Чтобы сохранить лицо хотя бы в глазах своей дружины, Игорь предпринял грабительский поход на древлян, но последние восстали и убили князя. Оказавшись во главе союза, Ольга все свои силы направила на восстановление пошатнувшегося единства Руси. Движение древлян было жестоко подавлено. Ряд исследователей настаивает, что Игорь был убит в Крыму готами-тервингами.

Хотя Игоря убили древляне, а приложили к этому руку Свенельд и Ольга, причиной кризиса, погубившего Игоря, стал его конфликт с русскими князьями, возникший из-за поражения, которое потерпели в 941 году русы от греков. Историю убийства Игоря можно рассматривать как историю борьбы группировок вокруг киевского стола, завершившуюся гибелью неугодного всем князя.

Ряд исследователей считают, что Ольга заняла киевский стол как княгиня, а не как воспитательница сына. Какой бы город не занимал Святослав, ясно, что не он, а Ольга сидела в Киеве. Святослав был в положении одного из союзных князей. Низкий статус «людей Святослава» и, следовательно, самого князя, отсутствие его послов на приеме 18 октября 957 года является еще одним доказательством того, что Ольга была не регентшей, а полновластной правительницей Киева.

По размаху своей просветительской деятельности Ольга не уступала своему внуку Владимиру Святому. Она не была «тайной» христианкой, а напротив, проводила активную политику христианизации Руси. Да и чего ей было «таиться», если ее стремление к сближению Руси с христианскими странами поддерживали князья, входившие в союз. Не случайно во время визита Ольги в Царьград в 957 году ее сопровождали послы от 22 князей, оставшихся на Руси, что свидетельствует об одобрении ими действий главы союза. Кроме того, Ольга познакомилась с христианством до посещения Константинополя и, как видно, независимо от него, что очень раздражало греков.

За крещением Ольги стояло стремление овладеть частью территории, принадлежавшей ранее Великой Моравии. Известны факты распространения в X веке влияния Киевской Руси на территории, ранее принадлежавшие Великой Моравии [5, с. 180].

Проблема моравского наследия несомненно должна была вызвать интерес у русских князей. Это была именно та задача, ради решения которой Ольга могла активизировать контакты Руси с христианскими странами Европы. Ради достижения такой цели русские князья-язычники могли поддержать и христианские увлечения Ольги.

По поводу рождения Святослава. Так, В.Н. Татищев предлагал в качестве даты рождения Святослава 920 год. Впрочем ему же были известны и другие даты рождения князя – 942 и 940 годы. Новосильцев А.П. и Рапов О.М. признавали факт рождения Святослава в 920 году. Позднее Рапов видоизменил свою точку зрения. Он указал иную дату – 927 год. При этом допускал существования у Игоря двух сыновей, первый – Святослав – родился в 920 году и вскоре умер, второй – полководец – в 927 году. Многие исследователи относят рождение Святослава к более позднему времени. Так, А.Ю. Карпов считает, что это произошло в начале 940-х годов, а А.Л. Никитин отмечает, что о Святославе с достоверностью можно сказать, что, вероятнее всего, он родился в конце лета 941 года, потерял отца осенью 943 года, был откровенным разбойником и пиратом, вел разбойничьи войны в Подунавье в 969 – 971 годах и погиб в конце лета 971 года, оставив по себе, как видно, неурядицы в государстве и запутанные отношения с византийцами. По мнению же А.Ю. Карпова, гибель Святослава относится к весне 972 года.

Святослав, ненадолго овладев Киевом в конце 960-х годов, разрушил союз князей, а вместе с ним и единство Руси. Его расправа над христианами, во время которой он убил своего брата-христианина Улеба, ослабила его же позиции в Киеве. Кроме того, за время походов на Восток и Балканы Святослав, скорее всего, потерял контроль над многими городами, а смерть Ольги еще более ослабила связь Севера и Юга.

Из вышесказанного становится понятным, почему Святослав заключил договор с греками в одиночестве. Дело не в том, что к 971 году, кроме Святослава, не было уже русских князей. Напротив, князья на Руси были. Просто сам Святослав оказался вне Руси, балканское воинство русов распалось, и если кто-то из его вождей, кроме Святослава и Свенельда, уцелел, то он не хотел иметь ничего общего с неудачником Святославом. По существу договор 971 года Святослав заключил от себя лично и от тех дружинников-русов (язычников и христиан), которые его еще поддерживали.

Несколько слов о Свенельде. Видимо, для него киевские князья вообще не были объектами поклонения. В 40-х годах X века он был причастен к гибели Игоря, а после смерти Святослава, в 70-х годах X века, – к гибели Олега Святославича. Менее понятно поведение Ярополка Святославича. Если Свенельд бежал с поля боя, бросив тело Святослава на поругание, то Ярополк ни в коем случае не должен был брать его к себе на службу. Если Свенельд увел у Святослава большую часть армии, оставив последнего голодать в Белобережье, то Ярополк, при первой возможности, как хороший сын должен был схва-

тить Свенельда. Если же Свенельд был послан в Киев за помощью, то непонятно, почему Ярополк ее не отправил. Ярополк не просто принял Свенельда на службу. У киевского князя был свой воевода Блуд. Судя по всему, Свенельд продолжал возглавлять дружину, приведенную им в Киев, сохраняя самостоятельность от киевского князя и в то же время являясь его основной силой. Свенельд руководил политикой Ярополка и даже вынудил последнего отомстить своему брату Олегу за убийство Люта Свенельдича. Получается, что, оставив Святослава без помощи, Ярополк и Свенельд сознательно обрекли его на смерть.

Перейдем к сыновьям Святослава Игоревича. Как правило, старшим считают Ярополка. Некоторые исследователи относят дату его рождения к 945 году. Другие – к 960 – 962 годам. Если верно указание Повести временных лет (ПВЛ) о том, что в 968 году все Святославичи были еще детьми, то вторая дата является более реальной. Жenu – гречанку – Ярополку привел Святослав; это могло случиться в 969 году. Некоторые считают, что Ярополк был женат на дочери графа Куно фон Энингена предположительно по имени Рихлинт, другие же – что последняя была женой Владимира после смерти Анны (1011 год). Некоторые исследователи утверждают, что Ярополк был христианином, но зачем же в 1044 году крестили его останки? Правление Ярополка в Киеве – весна 972 – лето 978 годов, так как известна точная дата вокняжения Владимира – 11 июня 978 года. Значит на лето (июнь – июль) 978 года приходится время гибели Ярополка. Существует и другая дата смерти и конца правления Ярополка – 980 год.

Следующим сыном князя Игоря был Олег, родившийся приблизительно в 962 году. О нем вообще очень мало свидетельств. Известно лишь, что он был древлянским князем, христианином он также, судя по всему, не был, убил воеводу Люта Свенельдича и сам погиб в 977 году в борьбе со старшим братом Ярополком. У Олега Святославича Древлянского, по видимому, остался малолетний сын (о жене Олега нам ничего неизвестно). Позднейшие чешские историки сохранили какие-то смутные предания о появлении в Моравии русского князя, сына Колги (Олега?) Святославича, племянника князей Ярополка и Владимира. Он считался родоначальником старинного моравского рода Жеротинов.

По-разному определяется и дата рождения следующего сына Святослава – Владимира. Рапов О.М. считал, что это произошло в 942–943 годах. Цветков С.Э. относит его рождение к 955 – 958 годам, а А.Ю. Карпов указывает, что Владимир родился около 962 года. При этом приводят довод, что матерью Владимира была ключница княгини Ольги Малуша. Но возможно предположить, что все три брата были ровесниками, так как могли быть рождены от разных матерей. Указание на то, что, согласно летописям, Владимир умер «глубоким стариком», также не серьезно. Возраст в 53 года никак не противоречит средневековым представлениям о старости. Умер Владимир 15 июля 1015 года.

Некоторые историки называют и четвертого сына Святослава – Сфенга. При этом указывается, что родился он приблизительно в 965 – 967 годах – время пребывания Святослава в Тмуторокане и на Северном Кавказе [17, с. 9, 12]. Умер же Сфенг после 1016 года.

Сколько было сыновей у князя Владимира? Точного ответа на этот вопрос нет. Разные авторы называют разное число сыновей: 17 (Н.А. Баумгартен), 12 (О.М. Рапов), 16 (Л.В. Войтович), 24 (Д.В. Донской) и т.д. В ПВЛ под 988 год перечислены 12 сыновей Владимира: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. Там же говорится и о том, что отец раздал сыновьям уделы. По всей вероятности, Позвизд, Станислав и Болеслав (называли и такого) – фигуры всецело легендарные. Из десяти – тринадцати сыновей, которыми предание окружает Владимира, только семь, по мнению С.Э. Цветкова, могут быть безоговорочно признаны действительно существовавшими людьми. Это – Изяслав, Святополк, Ярослав, Мстислав, Судислав, Борис и Глеб. А в работе А.Л. Никитина отмечается, что достоверными сведениями историк располагает лишь о трех Владимировичах: Святополке, зяте Болеслава I, который неоднократно фигурирует у Титмара Мерзебургского и засвидетельствован эмиссией серебряных русских монет; Ярославе, так же известном Титмару, отмеченном монетной эмиссией, свинцовой буллой, граффито на стенах киевской Софии и внелетописными текстами; Судиславе, который был посажен Ярославом в 1034 году в «порубь», освобожден в 1063 году племянниками и скончался чернецом [10, с. 250]. Карпов А.Ю. считает, что старшим сыном Владимира от некоей чехини был Вышеслав, родившийся не позднее 978 года [7, с. 85]. Он умер при жизни отца (в 1010 году) на новгородском княжении и был личностью второстепенной.

Изяслав – лицо безусловно историческое, хотя все сведения о его жизни исчерпываются легендой о том, что благодаря его вмешательству Рогнеда избежала смерти от руки Владимира. Однако в ПВЛ следуют хроникальные записи: в 1001 году «преставися Изяслав, сын Володимиров», в 1003 году «преставися Всеслав, сын Изяславль, внук Володимерь», в 1044 году, «в се же лето умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь». Если принять датировки ПВЛ, то Изяслав родился в 980 году, а умер в 1001 году.

Всеволод, по мнению Е.А. Пчелова, был вторым сыном Рогнеды и четвертым Владимира. Он мог родиться в начале 980-х годов. Его уделом был Владимир-Волынский, построенный в 992 году. Всеволод умер до 1015 года. В скандинавских источниках упоминается некий Висавальд, сватавшийся к вдове шведского конунга Эрика Победоносного Сигрид. Сватовство кончилось гибелью всех женихов. Имя же Висавальд однозначно интерпретируется как Всеволод. На этом основании многие исследователи (А.Е. Пресняков, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, О.М. Рапов и др.) отождествляли Висавальда с Всеволодом Владимировичем, однако на несообразности хронологии внимания не обращали. Приблизительно в 995 году, когда происходило сватовство, Всеволоду могло быть не более 13–14 лет. В этом случае его сватовство к Сигрид, которая была намного старше, выглядит невероятным. Королев А.С. считает, что Сигрид в момент сватовства было около 50-ти лет, поэтому Висавальдом мог быть какой-то русский князь, покинувший страну.

Биография Судислава окутана непроницаемым туманом. Лишь летописные статьи под 1034, 1059 и 1063 (год смерти) годы, достоверность которых вне сомнений, бросают свет на последние тридцать лет, проведенные им в тюрьме и монастыре. Умер он приблизительно 75 лет от роду.

О Мстиславе известно, что он был моложе Ярослава (летописная статья под 1024 год), носил крестильное имя Константин. Известен словесный портрет Мстислава под 1036 год (год смерти), среди характерных черт его облика – «великие очи». Если это знаменитые «восточные глаза», всегда восхищавшие европейцев, тогда предположительно его матерью была уро-

женка Северного Кавказа. Но был ли Владимир его отцом? Дело в том, что Мстислав пришел на Русь из Тмуторокани, киевляне упорно не желали видеть его своим князем. По мнению С.Э. Цветкова, его отцом был скорее всего брат Владимира Сфенг, у которого Мстислав и наследовал тмутороканский стол в 1016 или 1017 годах. Таким образом, Мстислав, по всей видимости, был не сыном, а племянником Владимира.

Имя жены Мстислава Анастасии известно по Любечскому синодику. Сын Мстислава Евстафий умер в 1033 году, очевидно, молодым. В поздних родословных легендах сохранилось предание, что дочь Мстислава была выдана замуж за одного из сыновей Редеди, получившего при крещении имя Роман. От этого брака произошли русские дворянские роды Сорокоумовых-Глебовых, Лопухиных, Ушаковых и др.

Происхождению Святополка древнерусские книжники уделили повышенное внимание, но это лишь способствовало нагромождению противоречий. В известном «Сказании о Борисе и Глебе» утверждается, что, во-первых, матерью Святополка была расстриженная гречанка-черница и, во-вторых, что Владимир не был родным отцом Святополка. Цель этих разысканий понятна – убедить читателя в прирожденном «окаянстве» убийцы своих святых братьев-мучеников.

Поздняя письменная фиксация, тенденциозность, смещение акцентов, разноречивость в важных и второстепенных сведениях, а также внутренние неувязки – все эти особенности сюжета о рождении Святополка делают его типичным образцом литературного мифотворчества. В действительности русские писатели конца XI – начала XII веков уже не располагали достоверными сведениями о рождении Святополка.

Что же касается происхождения Святополка «от двою отцу», то, к сожалению, эта литературная сплетня всюду гуляет по страницам исторических трудов, побуждая даже некоторых ученых изменять отчество Святополка с «Владимирович» на «Ярополкович». Эта скандальная тема не получила развития даже в тех произведениях, которые и дали ход навету, ибо и «Сказание о Борисе и Глебе», и «Повесть временных лет», бросив тень на обстоятельства рождения князя, далее продолжают рассказ без всякого сомнения относительно принадлежности Святополка к Владимировичам. Сам он величает Владимира отцом; Борис не хочет выступать против Святополка именно потому, что чтит в нем старшего брата и т.д.

Данные наблюдения приобретают еще большую значимость в свете некоторых особенностей счета родства в княжеской семье. Когда умирал отец, то его место в роду занимал старший сын, становившийся «отцом» для своих младших братьев; сыновья такого старшего брата становились для своих дядей (младших братьев отца) из племянников – «братьями», хотя и младшими. Отсюда понятно, что, будь Святополк действительно сыном Ярополка (который играл роль «отца» по отношению к Владимиру), то он по междукняжескому родовому счету приходился бы Владимиру – «братом», а Владимировичам – «дядей». Если же предположить, что усыновленный Владимиром Святополк признал своего дядю «в отца место», превратившись из «дяди» в «брата» Владимировичей, то все равно он не мог бы называться их «братом старейшим», так как линия родового старшинства продолжалась бы тогда через детей Владимира, старшим из которых на момент смерти князя был Ярослав.

Подчеркнем и еще одно обстоятельство: и «Сказание...», и Ипатьевская летопись на момент вокняжения Святополка подтверждают его довольно молодой возраст (князь был юн), чего никак нельзя было сказать о тридцатипятилетнем-тридцатисемилетнем мужчине, если его отцом был бы Ярополк.

Далее. В доказательство подпорченной генеалогии Святополка приводят два отрывка из хроники Титмара Мерзебургского, где упоминаются «мачеха» и «девять сестер» Ярослава, но без добавления имени Святополка. Болеслав, захвативший в плен жену, мачеху и сестер Ярослава, предлагает последнему обменять их на свою дочь (жену Святополка). При этом Святополк находится в Киеве. На этом основании делается вывод о том, что сестры могли и не быть одновременно сестрами Святополка, а значит, Святополк мог быть сыном Ярополка [11, с. 182]. Однако, все это заключение Титмара, но не Святополка. Титмар же во всех других случаях описывает положение Святополка в княжеской семье с предельной ясностью, называя его два раза сыном Владимира и один раз – братом Ярослава.

Известно также, что Святополк был женат на дочери польского князя Болеслава I Храброго (967 – 1025 годы) [правил с 992 года], имя которой неизвестно. Этот брак был заключен приблизительно в 1013 году, хотя существуют и иные точки зрения, относящие это событие на 10 лет раньше.

Сегодня есть все основания утверждать, что летописно-житийная история злодейств Святополка Окаянного едва ли заслуживает того авторитета, которым она долгое время была окружена в отечественной историографии – слишком много в ней несообразностей и внутренних противоречий. Цветков С.Э. указывает наиболее слабые места всех этих построений.

Во-первых, действие разворачивается в условиях полнейшего пространственно-географического и временного произвола.

Во-вторых, это немотивированность действий главных героев летописной повести о Борисе и Глебе или несоответствие мотивации их поступков историческим реалиям начала XI века.

В-третьих, следует отметить откровенную литературность отдельных эпизодов и положений, причем литературность эта невысокого качества, так как многие линии повествования намечены вскользь или обрываются внезапно, без дальнейшей проработки.

В-четвертых, в летописной повести о Борисе и Глебе, как и в «Сказании...», содержится целый пласт известий, удивительно совпадающих с летописными сообщениями о деятельности другого Святополка, сына киевского князя Изяслава Ярославича.

Современники, включая и ученое киевское монашество, не особенно жаловали князя Святополка Изяславича (1050 – 1113 годы), внука Ярослава Мудрого. Он был нарушителем Любечского совещания 1097 года, одним из виновников ослепления князя Василька Теребовльского – злодеяния, дотоле не слыханного между членами княжеского дома. В период его киевского княжения (1093 – 1113 годы) вышгородская церковь, где были похоронены Борис и Глеб, пребывала в забвении. У этого Святополка и его окаянного тезки обнаруживаются общие биографические черты: княжение в Турове, война с противником по имени Ярослав (в 1101 году он воевал со своим племянником Ярославом Ярополковичем) и даже происхождение от незаконного брака (его отец Изяслав Ярославич был женат единственным браком на Гертруде, дочери польского короля

Казимира I. Плодом этого союза был сын по имени Ярополк (в крещении Петр). Сохранился личный молитвенник Гертруды, в котором она постоянно поминает Ярополка-Петра, называя его «единственным своим сыном». Следовательно, Святополк был рожден Изяславом в нецерковном браке от наложницы). В сцене ослепления Василька: выкалывал ему глаза некий торчин по имени Берендей. Глеба же зарезал другой торчин-повар. Василька на ковре положили в телегу «яко мертва» и повезли к Владимиру подобно тому, как полумертвого Бориса убийцы, завернув в шатер, повезли к Святополку. Предводитель вышгородских «боярцев» Путша носит уменьшительную форму имени воеводы Святополка Изяславича Путяты [17, с. 294–295]. Этот набор совпадений не может быть случайным, и отсюда неизбежен вывод, что, живописуя злодейства Святополка Окаянного, авторы летописной повести о Борисе и Глебе и «Сказания...» определенно метили в Святополка Изяславича.

Перейдем к Ярославу (Георгию). Как правило, считают, что он был третьим сыном Владимира от Рогнеды. Датой его рождения обычно называют 978–979 годы. В летописях навязчивое указание на возраст князя объясняется стремлением летописца сделать Ярослава старшим сыном Владимира, что не соответствует действительности. Та же летопись старшим называет Вышеслава, вторым – либо Изяслава, либо Святополка [6, с. 14–15]. В ПВЛ по Лаврентьевскому списку под 1054 год (год смерти) записано, что Ярослав жил 76 лет. Почти все поздние летописи утверждают, что Ярослав вокняжился в Киеве 28 лет отраду, то есть он родился в 988 или 989 годах.

Проводивший в 1939 году анатомическое и рентгенологическое исследование скелета Ярослава Д.Г. Рохлин пришел к выводу, что князь прожил не 76 лет, как утверждается в древних источниках, а примерно лет на восемь меньше. Карпов А.Ю. считает, что датой рождения Ярослава следует считать 986 – 988 годы, О.М. Рапов – 988–989 годы, С.Э. Цветков – 986 – 988 или 998–999 годы. Пожалуй, следует согласиться с датой 986 – 988 годы. Ярослав был лет на 9–10 моложе Святополка [14, с. 322–323].

Обе вероятные даты рождения Ярослава (988–989 и 998–999 годы) ставят под сомнение его происхождение от брака Владимира с Рогнедой. Летописное упоминание о том, что в 1000 году «преставися Рогнедь, мати Ярославля», дела не меняет. Современник назвал бы вместо Ярослава, который мало кого интересовал в 1000 году, старшего сына Рогнеды – Изяслава. Следует упомянуть, что полоцкие князья XI–XII веков в обоснование своей наследственной и непримиримой вражды к потомству Ярослава («Ярославим внукам») настойчиво выделяли себя в отдельную генеалогическую ветвь великокняжеского рода («Рогволожичи») именно по женской линии, через Рогнеду, тем самым отрицая родство Изяслава и Ярослава по матери. Единственное, что можно сказать о матери Ярослава, – это то, что она, судя по антропологическим чертам ее сына, была славянка северного (новгородско-поморского) типа.

Рохлин Д.Г. установил, что у Ярослава в самом раннем детстве были вывих (или подвывих) в правом тазобедренном суставе, а также недоразвитие правого коленного сустава. Он был от рождения сильно хром. К концу жизни князь едва мог передвигаться и испытывал жестокие боли в ногах, руках, шее и позвоночнике. Однако Ярослав смог преодолеть свой физический недостаток. Уже одно это характеризует его как человека в высшей степени волевого, наделенного сильным характером. Будучи взрослым человеком, новгородским князем, он открыто подвергался осмеянию: его презрительно называли «хромцом». Но Ярослав, оказывается, умел жестоко мстить своим обидчикам. Это не единственный пример того, как физический недостаток компенсируется железной волей, сильным характером, а нередко еще и чрезмерной жестокостью.

В последние годы жизни Владимира Ярослав княжил в Новгороде и был женат первым браком на некоей Анне. После вскрытия саркофага с ее именем в Новгороде было установлено, что в нем покоится женщина, скорее всего, не дожившая до 35 лет. Наиболее вероятной датой ее смерти следует считать интервал между 1018 и 1019 годами (по свидетельству Титмара, жена Ярослава находилась в Киеве). Если верно предположение, что Анна была примерной ровесницей Ярослава, то появился косвенный аргумент в пользу его рождения между 985 и 990 годами. Однако трудно ответить на вопрос: почему Анна была похоронена в Новгороде, а не в Киеве? От брака с Анной у Ярослава был сын Илья, умерший молодым в 1019 или 1020 году. Некоторые исследователи считают, что Маргарет – Эстред, сестра Кнута Великого, какое-то время была женой Ильи Ярославича. Сам же Илья прожил не более 14–15 лет, и был он лет на 6–7 моложе Эстред.

Вторым браком Ярослав был женат на Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Эйрикссона от его славянской супруги Астрид, происходившей из рода вендских (ободритских) князей. Олав крестился вместе с семьей в 1008 году и дал своим детям христианское образование и воспитание. Женитьба на Ингигерд, известной в древнерусских памятниках под христианским именем Ирина (ок. 994 – 10.2.1050 годы), состоялась в 1019 году.

От брака с Ингигерд у Ярослава было шесть сыновей: Владимир (1020 – 4.10.1052 годы), Изяслав – Дмитрий (1024 – 3.10.1078 годы), Святослав – Николай (1027 – 27.12.1076 годы), Всеволод – Андрей (030 – 13.4.1093 годы), Вячеслав – Меркурий (между 1033 и 1036 – 1057 годы), Игорь – Георгий (1036 – 1060 годы) и четыре дочери: Елизавета, Анна (Агнесса), Анастасия и неизвестная по имени. Вся семья Ярослава была изображена на фресках Софии Киевской, ныне сохранились лишь фрагменты.

Одним из сыновей Владимира источники называют Святослава, который пал в 1015 году в междоусобной борьбе. По всей видимости, он был старше Бориса и Глеба, а значит ближе по возрасту к Ярославу и Святополку, что могло послужить одной из причин его убийства. Однако в отличие от своих братьев Святослав не был канонизирован церковью. Рапов О.М. пытался объяснить этот факт тем, что Святослав, очевидно, искал помощи в Венгрии, может, даже для захвата великокняжеского стола в обмен на какие-то территории или на подчинение русской церкви Риму (король Иштван I ориентировался на западное христианство). У Святослава был сын Ян, родившийся в 1000 или 1002 годах. Дальнейшая судьба Яна абсолютно неизвестна. Мальгин Т.С. почему-то называет Яна Ярославом и пишет о его смерти в 1028 году, но откуда появились эти сведения, совершенно неясно.

Борис (Роман) и Глеб (Давид). Борис был князем муромским, владимиристо-волынским, ростовским (с 994 – 996 года). Глеб же приблизительно с 1010 года был князем муромским. ПВЛ утверждает, что Борис и Глеб были сыновьями Владимира от некоей болгарки, тогда как Иоакимовская летопись говорит, что их матерью была «Анна царевна». Пчелов Е.В., обобщив имеющиеся сведения, считает, что, действительно, матерью их была «болгарыня», только неизвестно, волжская или дунайская? При этом он считает, что против материнства Анны, византийской принцессы, можно привести следующие контраргументы: сведения о молодости братьев («Сказание о Борисе и Глебе») могли быть лишь агиографическим приемом; сведе-

ния о «царском» происхождении вовсе не вытекают из фразы «светился царски». Возможно, это образное выражение. Владимира вполне могли именовать и царем, его сына Ярослава так именовали; если бы братья были сыновьями Анны, автор ПВЛ не преминул бы об этом упомянуть, что и сделали позднейшие летописцы, видимо, стремясь связать факт крещения Руси с Византией (в котором немаловажную роль сыграла Анна) с именем первых русских князей – христианских мучеников.

Используя практически те же данные, С.Э. Цветков говорит об абсолютной мифологичности личности «болгарыни», которую древнерусские родословные прочат в матери Борису и Глебу. Он приводит доводы в отношении того, что матерью братьев была Анна (963 – 1010 годы), сестра византийских императоров Василия II и Константина VIII. За это говорит их происхождение от «благого корени» и «благородных крови» (других царевен, кроме Анны, среди жен Владимира не было). Затем имеются косвенные указания на возраст братьев в 1015 году, из которых вытекает, что Борису в это время было не больше 20 – 22 лет, Глебу – около 13 – 15 лет (по другим сведениям, Борис родился около 983 года, Глеб – около 984 года). Из этого следует, по мнению Цветкова, что рождение как одного, так и другого несомненно приходится на пору супружества Владимира и Анны. Со стороны последней к тому же вполне естественно дать своему первенцу христианское имя Роман, которое носил также ее отец император Роман II. Наконец, тот факт, что древнерусский культ Бориса и Глеба довольно быстро, не позднее второй половины XII века, прижился в Византии, где к почитанию «чужих», тем более «варварских» святых всегда относились с неприязнью, может быть объяснен отчасти тем, что греки не забыли, кто на самом деле был матерью святых братьев.

Согласно «Сказанию...», Борис был женат еще до вокняжения на Волыни, но о его семье никаких сведений не сохранилось. Нестор – единственный из авторов, кто сообщает об этом факте.

Христианство с его радикальным отрицанием языческой полигамии заставляло всех членов разветвленной княжеской семьи считаться с одним важным новшеством, грозившим разрушить устоявшийся порядок престолонаследия. Своим вступлением в христианский брак с греческой царевной Владимир создал династическую ситуацию, не имевшую прецедентов, так как теперь с точки зрения византийского церковно-государственного права все прежние супружества Владимира приобрели характер незаконного сожителства. Тем самым сыновья, рожденные в этих браках, независимо от преимуществ родового старшинства, совершенно отстранялись от наследования великокняжеского стола, который отныне должен был принадлежать потомкам Владимира и Анны. Нарушив вековую традицию передачи великого княжения в руки старшего сына, князь объявил своим наследником Бориса. По свидетельству источников, Владимир любил его более других сыновей и держал при себе, в чем еще С.М. Соловьев усмотрел «намерение передать ему старший стол киевский».

Объявив Бориса своим наследником, князь Владимир столкнулся с тайной и явной оппозицией своих старших сыновей. Против ослушников были предприняты самые крутые меры: Святополк был брошен в темницу, а на подавление мятежа Ярослава в Новгороде Владимир готовился послать целое войско, может быть, во главе с тем же Борисом. Только болезнь и смерть Владимира избавили Ярослава от возмездия.

Данилевский И.Н., опираясь на построения Н.Н. Ильина (Летописная статья 6523 года и ее источник. Опыт анализа. – М., 1957), представляет ход событий после кончины Владимира Святославича 15 июля 1015 года следующим образом.

Киевский престол занял Борис, которого отец любил, по свидетельству летописца, более других сыновей и всегда держал рядом с собой. Ярослав, нанявший к этому времени варягов для борьбы за независимость Новгорода от Киева, выступил против нового киевского князя и в битве на Днепре (вероятно, осенью 1015 года) одержал победу.

Тем временем из темницы удалось бежать Святополку, который сразу же отправился к своему тестю Болеславу, рассчитывая с его помощью взять власть в Киеве, принадлежавшую ему по праву старшинства. Борис же, опираясь на поддержку печенегов, попытался в это время вернуть утраченную власть. Но киевляне во главе с Ярославом, поддержанные отрядом наемников, дали ему отпор. Во время обороны Киева Ярослав получил ранение, сделавшее его калекой – хромым. Все это произошло, вероятно, в конце 1016 года. В следующем году новая попытка Бориса вернуть Киев закончилась для него неудачно – 24 июля 1017 года его убили варяги, посланные Ярославом. Приблизительно тогда же были убиты Глеб и Святослав Владимировичи.

Летом 1018 года во главе с Болеславом Храбрым и законным наследником киевского престола Святополком на Русь обрушились польско-немецкие отряды. Ярослав бежал из Киева в Новгород, бросив мать и восемь своих сестер. Из Новгорода он пытался бежать в Норвегию к тестю, но новгородцы, возглавлявшиеся посадником, двоюродным дядькой Ярослава Константином Добрыничем, разбив княжеские ладьи, заставили Ярослава возглавить поход против Святополка.

Между тем киевляне 14 августа 1018 года довольно дружелюбно встречали вступившего в город Святополка. Через три месяца, приблизительно в декабре 1018 года, у Любеча произошло сражение, в котором победил Ярослав. Святополку удалось скрыться с места битвы, но это не спасло его от мести Ярослава.

По мнению С.Э. Цветкова, против вступившего на киевский стол Бориса поднялся его родной дядя тмутороканский князь Сфенг. Борис и его братья, Глеб и Святослав, были повержены не позже осени 1015 года. Сфенг правил под своим крестильным именем «Петрос», о чем свидетельствуют найденные монеты. В свою очередь, воспользовавшись отсутствием в Киеве Сфенга, подавлявшего восстание в Херсоне, Ярослав повел новгородское ополчение на Киев. В конце 1016 или в начале 1017 годов Ярослав сел победителем на киевский стол. Святополк же был возведен на киевский престол Болеславом Храбрым летом 1018 года и свергнут Ярославом в 1019 году [17, с. 309, 312, 316, 317].

Как видим, больше всего неясностей и путаницы в генеалогии первых пяти колен древнерусских князей. В дальнейшем такой путаницы нет. Но некоторые несообразности все же имеются. Так обстоит дело с определением даты рождения Юрия Долгорукого и его сыновей.

В справочниках и энциклопедиях вплоть до настоящего времени указывается, что князь Юрий родился в 1090 году или около этого. Однако это не так. Достоверно известно, что брак его отца Владимира Мономаха и Гиды, дочери последнего англосаксонского короля Харальда, был заключен около 1075 года, а в начале 1076 года у них родился первенец – сын Мстислав. Позднее Гида родила мужу еще четверых сыновей: Изяслава, Святослава, Ярополка и Вячеслава, а также одну или,

возможно, нескольких дочерей. Второй сын, Изяслав, судя по тому, что его крестником был Олег Черниговский, родился не позднее 10 апреля 1078 года, и, скорее всего, тогда же был крещен. Время рождения третьего и четвертого сыновей Владимира Мономаха, Святослава и Ярополка, точно неизвестно. Кучкин В.А. как самую раннюю дату рождения пятого сына Вячеслава называет первую половину 1081 года; однако нельзя исключить, что Святослав и Ярополк были близнецами, и тогда крайняя дата сдвигается на год – не ранее первой половины 1080 года. Самое позднее время рождения Вячеслава – 1084 год, поскольку в 1096 году он был послан отцом во главе войска на помощь брату Мстиславу к Суздалью. Юрий, шестой сын Мономаха, был значительно младше пятого сына Вячеслава. Разница между ними составляла не менее 14–15 лет. Поэтому Юрий вряд ли мог появиться на свет ранее 1096 года.

Теперь возникает вопрос о том, кто был матерью Юрия. Если ранее уверенно отвечали, что Гида, то ныне приходится отвечать отрицательно. Однако в 1096 и даже в начале 1097 годов Гида Харальдовна была жива, о чем свидетельствовал сам Владимир Мономах. По существующим данным А.Ю. Карпов утверждает, что Гида находилась в разводе с Мономахом и жила с сыном Мстиславом в Новгороде, где тот княжил и в момент рождения внука Всеволода (ок. 1103 года), первенца Мстислава, была еще жива.

О происхождении матери Юрия Долгорукого никакими сведениями мы не располагаем. Неизвестно и имя ее. Зато известно, что, помимо Юрия, она родила своему супругу еще двоих сыновей – Романа и Андрея (последний родился в августе 1102 или 1103 годов), а также по меньшей мере двух дочерей. Скончалась она 7 мая 1107 года, что явилось сильным потрясением для Юрия.

Что касается Владимира Мономаха, то он после этого женился еще раз – но на ком именно, опять-таки неизвестно. Его третья супруга преставилась после его смерти, 11 июля (или 11 июня) 1126 года.

В летописи имя князя Юрия Владимировича впервые упоминается под 1107–1108 годом, когда он – совсем еще мальчик – женился на дочери половецкого хана Аепы.

Теперь о сыновьях Юрия. Всего летописи упоминают 11 сыновей Юрия. Даты их рождения (кроме младшего, Всеволода, – 19 октября 1154 года) в летописях не обозначены. Старшим был Ростислав, упоминаемый в источниках с 1138 года и умерший 6 апреля 1151 года. Следующим, очевидно, шел Иван, который впервые упоминается в летописи осенью 1146 года, когда отец послал его к своему союзнику Святославу Ольговичу; он умер 24 февраля 1147 года. Скорее всего, Иван был старше Андрея, который впервые упоминается под январем – февралем 1147 года как младший участник похода на Рязань, совершенного им совместно со старшим братом Ростиславом.

Дату рождения Андрея историки вслед за В.Н. Татищевым определяют 1111–1112 годами. Однако эта дата, ориентированная на рождение Юрия в 1090–1091 годах, представляется заведомо неверной, ибо сам Юрий родился позднее. Кроме того, дата рождения Андрея ориентирована и на дату женитьбы Юрия на «Аепиной дщери» в 1108 году. Хрусталеv Д.Г. определяет рождение Ростислава около 1115 года, а Ивана – около 1117 года. Карпов А.Ю. считает, что Иван родился ок. 1121–1122 года.

При определении даты рождения Андрея необходимо учитывать антропологические данные, которые свидетельствуют о том, что он погиб в 1174 году в возрасте 45 – 50 лет. Поэтому рождение Андрея А.Ю. Карпов относит приблизительно к 1125 году (Д.Г. Хрусталеv считает, что это произошло около 1120 года).

Следующие по старшинству сыновья Юрия Долгорукого, Борис и Глеб, впервые упоминаются вместе в феврале 1147 года, когда они перевозили тело умершего брата Ивана из Колтеска в Суздаль. Учитывая их имена, можно было бы предположить, что они были близнецами. Но, во всяком случае, Борис считался старше.

Что касается Ярослава и Святослава, то об их возрасте никаких суждений из летописи вынести нельзя. Полнейшие перечни называют их в числе младших Юрьевичей. Андрей после своего утверждения во Владимире оставил обоих в Суздальской земле, что косвенно могло бы свидетельствовать в пользу того, что они появились на свет в первом браке Юрия. Ярослав Юрьевич впервые упоминается как участник похода брата Андрея на волжских болгар в 1164 году; он умер 28 октября 1165 года. Святослав же умер 11 января 1174 года.

Мстислав, Василий (Василько), Михаил (Михалко) и Всеволод определенно родились во втором браке Юрия. Этот брак был заключен не позднее 1136–1137 годов. Сын Юрия от второго брака Василий (Василько) в конце лета – осенью 1149 года был посажен отцом на княжение в Суздаль. Еще один сын от второго брака, Мстислав, в феврале 1150 года вместе со своими старшими братьями Ростиславом, Андреем и Борисом принимал участие в сражении при Луцке. И то и другое едва ли могло иметь место, если бы княжичи не достигли совершеннолетия, то есть возраста 12–13 лет. Соответственно, и Мстислав, и Василько Юрьевичи должны были появиться на свет не позднее 1137–1138 годов.

Есть основания для того, чтобы определить более или менее точную дату рождения предпоследнего сына Юрия Михаила (Михалко). Накануне битвы на Лыбеди (конец апреля – первая половина мая 1151 года) князь Вячеслав Владимирович называл точное число сыновей Юрия – семь. Ростислав и Иван к тому времени уже умерли, Всеволод и, очевидно, Михалко еще не родились. Соответственно, появление Михалка на свет должно быть датировано временем между маем 1151 года и концом 1153 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкий, С.В. Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей / С.В. Белецкий // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. – М., 2001.
2. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.) : курс лекций / И.Н. Данилевский. – М., 2001.
3. Войтович, Л.В. Генеалогія династи Рюриковичів / Л.В. Войтович. – Київ, 1990.
4. Коган, В.М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования) / В.М. Коган. – СПб., 1993.
5. Королев, А.С. Загадки первых русских князей / А.С. Королев. – М., 2002.
6. Карпов, А.Ю. Ярослав Мудрый / А.Ю. Карпов. – М., 2001.
7. Карпов, А.Ю. Владимир Святой / А.Ю. Карпов. – М., 2004.
8. Карпов, А.Ю. Юрий Долгорукий / А.Ю. Карпов. – М., 2006.
9. Новосельцев, А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель / А.П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3.
10. Никитин, А.Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты / А.Л. Никитин. – М., 2001.
11. Пчелов, Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в. / Е.В. Пчелов. – М., 2001.
12. Пчелов, Е.В. Рюриковичи. История династии / Е.В. Пчелов. – М., 2001.
13. Рапов, О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О.М. Рапов. – М., 1977.
14. Рапов, О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства / О.М. Рапов. – М., 1988.
15. Хрусталеv, Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» 30 – 40 гг. XIII в. / Д.Г. Хрусталеv. – СПб., 2004.
16. Цветков, С.Э. Русская история. Книга вторая / С.Э. Цветков. – М., 2004.
17. Цветков, С.Э. Русская история. Книга третья / С.Э. Цветков. – М., 2006.